

ФОЛЬКЛОР И ЕГО ИСТОРИЯ.

I.

Под именем фольклора мы объединяем значительное количество словесных художественных произведений, распространяющихся посредством устной традиции.¹

Сюда относятся многочисленные произведения песенного характера (песни трудовые, обрядовые — различных видов, эпические — также различных видов, лирические — весьма разнообразные по происхождению и по характеру), многочисленные произведения сказового характера (фольклорные рассказы: сказки, легенды, анекдоты, предания), немногочисленные (сравнительно) драматические произведения и такие виды произведений, которые не находят себе места в обычной классификации литературных жанров: заговоры, пословицы и загадки.

Произведения эти живут в устной традиции, т. е. переходят из уст в уста, исполняются наизусть на основании запоминания услышанного, а не по книгам или рукописям. Например, заонежский крестьянин, «сказывающий» былинку или «старину», на вопрос, откуда он ее знает, ответит, что он не сам сочинил ее и не вычитал из книги, а перенял от своего отца, от дяди, от деда и т. п. В свою очередь, он передаст свои былины своим младшим родственникам или знакомым, и таким образом эти произведения продолжают свое существование.

Нельзя сомневаться в том, что фольклор существует с незапамятных времен, существовал, в частности, у предков русских до появления всякой письменности. Мы можем совершенно уверенно говорить об этом, потому что на земле нет буквально ни одного народа, на какой бы низкой ступени развития он ни находился, у которого не было бы фольклорных произведений: значит, они возникают на самых ранних стадиях развития. Об этом же говорят нам археологические находки при раскопках древнейших мест человеческих поселений, об этом же

¹ Таким образом, мы употребляем слово «фольклор» приблизительно в том значении, какое раньше придавалось словам «народная (или устная) словесность» или «народная поэзия». Возможно более широкое понимание слова «фольклор» — в смысле «народного творчества» (в этом смысле можно говорить, например, о музыкальном фольклоре, и т. п.). Наконец, возможно и еще более широкое понимание, приблизительно соответствующее буквальному значению английского термина («народное знание» или «народная мудрость»); в этом случае к области фольклора будет относиться, например, так называемая «народная медицина» и т. п. Мы говорим в дальнейшем только о поэтическом фольклоре.

говорят и древнейшие памятники письменности (например, египетские папирусы относящиеся иногда ко времени за несколько тысячелетий до нашей эпохи).

Совершенно ясно, что за многовековую, иногда тысячелетнюю, историю в фольклоре накопилось множество произведений различного исторического происхождения и характера. Поэтому мы не можем рассматривать фольклор как «сплошное» явление, и перед нами встает важнейшая и интереснейшая задача — дать историю фольклора, проследить, где, когда и при каких условиях возникали те или иные фольклорные жанры и отдельные произведения.

Само собою разумеется, что к этой истории фольклора мы должны подойти с тех же самых марксистско-ленинских позиций, с каких рассматриваем весь исторический процесс в целом.

Фольклорные произведения, как и литературные, являются отражением и оружием классовой борьбы (когда речь идет о классовом обществе). Классовая природа их совершенно различна, и потому мы не можем говорить о «народной поэзии» в том смысле, как говорила о ней старая наука, не видевшая и не желавшая видеть классовой дифференцированности «народа», не видевшая и не желавшая видеть классовой борьбы. Мы хотим вскрыть именно классовую природу и классовую историю фольклорных произведений.

На этом пути, несомненно, имеются значительные и частью своеобразные трудности. Дело в том, что изучаем мы фольклор по печатным источникам, по записям и притом обычно по записям позднего происхождения.

Фольклор существовал с древнейших времен, но не записывался, да и не мог записываться, пока не существовало письменности. Когда с XI в. на Руси установилась письменность (возможно, что существовала письменность и раньше, но памятники ее до нас не дошли), то письменность эта сосредоточилась главным образом в руках церковников. Церковники, ведя борьбу с дохристианским «языческим», мировоззрением, враждебно относились к фольклорным произведениям, в которых сохранялись как раз черты дохристианского мировоззрения, дохристианских верований; эти произведения объявлялись «бесовскими», и церковные проповедники нередко вступали против «бесовских игр», «бесовских сказок», «бесовских песен». Понятно поэтому, что церковники не склонны были записывать и сохранять фольклорные произведения; наоборот, они всячески стремились уничтожить эти произведения. Вот почему мы не имеем записей фольклора ни от XI, ни от XII в. и т. д., вплоть до XVII в.

Только в XVII и XVIII вв. появляются записи, но и то чрезвычайно редкие и весьма своеобразного происхождения. Так, известны некоторые записи писателей, посещавших Россию (таковы записи песен Ричарда Джемса, относящиеся к 1619—1620 гг., таковы некоторые сообщения Самуила Коллинса, относящиеся к середине XVII в., и др.). Ряд фольклорных текстов сохранился в судебных архивах; таковы, например, некоторые заговоры, отдельные рассказы о Петре I и пр.

Систематические записи фольклорных произведений относятся к еще более позднему периоду — ко второй половине XVIII в., а в особенности к XIX и XX вв. (первым подлинным сборником были является сборник Кирилы Данилова, относящийся к середине XVIII в., песенные тексты печатались в многочисленных песенниках XVIII в., и т. д.).

Таким образом, тот материал, каким мы располагаем, относится (непосредственно) к сравнительно недавнему времени. Мы не можем, однако, отнести к этому же недавнему времени самое происхождение этого фольклорного материала, так как, как сказано выше, нельзя сомневаться в существовании фольк-

лора уже в древнейшие времена. Да и самый характер фольклорных произведений нередко достаточно определенно заставляет нас говорить о раннем их происхождении. Когда, например, былины говорят нам о князе Владимире Киевском и о его богатыре Добрыне Никитиче (а по летописным известиям у так называемого Владимира «Святого», жившего в X—XI вв., был дядя Добрыня), то совершенно ясно, что ни крестьянин XX в., ни отец его, ни дед не могли «сочинить» такую былинку, в которой довольно ясно отражается знание лиц и событий X—XI вв.; такая былина должна была создаваться гораздо раньше.

Можно с полной определенностью говорить о том, что многие фольклорные произведения живут не тогда, не там и не в той социальной среде, где они возникали. Можно думать, например, что былины в основах своих создавались еще в так называемой Киевской Руси в княжеско-дружинной среде; между тем живут они до настоящего времени в крестьянской среде и преимущественно на северных окраинах России и в Сибири. Даже самые ранние записи былины, известные нам, относятся к XVII в., большинство же записей произведено в XIX—XX вв.

Можно ли думать, что эти записи XIX—XX вв. сохраняют для нас в точности именно те фольклорные произведения, какие возникали в несравненно более ранние эпохи? Конечно, нельзя. Характер фольклорных произведений таков, что они никогда не живут в неизменном виде. Устная традиция в фольклоре связана с отсутствием, так сказать, «авторского права» на произведения. Конечно, каждое фольклорное произведение создано каким-то автором, но «безличности» творчества здесь говорить не приходится (как говорила старая наука). Но автор фольклорного произведения не закрепляет за собою авторских прав, и произведение его переходит в общее пользование. Неизбежным результатом этого факта является изменчивость фольклорных произведений и именно эта изменчивость составляет любопытнейшую их особенность.

II.

Каждое фольклорное произведение при новом и новом воспроизведении может приобретать все новый и новый вид: что-то исключается, что-то добавляется, что-то изменяется. И такие изменения не только могут, но и должны происходить; фольклорное произведение не может оставаться неизменным. Уже самый факт устной традиции почти неизбежно приводит к изменениям: память не в состоянии совершенно точно сохранить на протяжении долгого времени фольклорные тексты, иногда отличающиеся довольно значительным объемом. Отсюда случаи искажений текста, путаницы, сокращений и т. п., с которыми мы часто встречаемся в фольклоре.

Но дело не только в памяти и не только в изменениях, вызванных ее слабостью. В характере отдельных произведений проявляется поэтическая индивидуальность исполнителя, так как каждый новый исполнитель является в той или иной мере и новым автором произведения. Если ограниченность памяти приводит к невольным изменениям, то в других случаях мы имеем дело с сознательными изменениями творческого характера. Более одаренный исполнитель, естественно, придает своим текстам более богатый и красочный характер, чем это имеет место у исполнителя, менее одаренного. Один певец или рассказчик особенно охотно вносит комические ноты, другой — дидактические; один наибольшее внимание уделяет диалогу, другой — повествованию, третий — описанию; одни особенно заботятся о точной передаче слышанного, другой гораздо сво-

боднее обращается с текстами, не связывая себя заботой о буквальном воспроизведении традиционного материала. Более того: даже один и тот же рассказчик или певец вносит изменения в один и тот же текст, в зависимости от целого ряда условий, и нередко делает это совершенно сознательно.

Изменения в фольклорных текстах неизбежны именно потому, что тексты эти живут в различных условиях, переходят в новые исторические условия и вследствие этого впитывают в себя новые данные, приобретают новый характер.

Так, в былинах о Владимире рассказывается, например, о том, как к Киеву подступает татарский царь «Батыга» (или «Абатуище» и т. п.). В одном из вариантов изображается, как Владимир торопится, по совету окружающих, вызывать богатыря на помощь:

Еще тут князь Владимир не послушался,
А нахватил он ведь кунью шубочку соболю,
Обувал же калоши да на босу ногу,
А побежал да ко кружалу государеву.¹

Таким образом, в одном и том же тексте сталкиваются факты X—XI вв. (Владимир — вероятно, Владимир «Святой»), XIII в. (татары под предводительством Батыя взяли Киев в 1240 году), XVI—XVII вв. («кружало государевое», т. е. кабак) и XIX—XX вв. («калоши»). Совершенно ясно, что песни о Владимире в X—XI вв. не могли говорить ни о «калошах», ни о «кружале», ни о татарах: древняя былина дожила до позднейших времен и приобрела за свою долгую жизнь новые черты.

Аналогичные явления видим иногда и в географических данных. Так, в одном из текстов былины о Дюке Степановиче говорится:

Из славного города из Галича,
Из Волынь земли из богатых,
Из той Карелы из упрямых,
Из той Индии богатых...²

Совершенно ясно, что такое своеобразное определение места, откуда выезжает Дюк, явилось результатом смещения совершенно различных географических представлений: былина с южной географией переселилась, очевидно, на север, и здесь эта южная география приобрела своеобразно-фантастический характер.

В движении фольклорного материала изменяется и социальное его лицо, социальная направленность. Так, если можно думать, что первоначально былины слагались в виде песен дружинно-княжеского характера, то с переходом их в крестьянскую среду они приобрели новые черты. Илья Муромец, например, становится крестьянским сыном, богатырем-крестьянином или «старым казаком». Князь Владимир нередко изображается юмористически (он, например, «окарачь» ползет, когда свистит побежденный Ильей Соловей-разбойник), или ему придается определенно отрицательная характеристика (например, в былинах о ссоре его с Ильей Муромцем), чего, конечно, нельзя допустить в песнях дружинно-княжеских. Изменяется и характеристика Ильи Муромца, который выступает, например, в роли предводителя «голей кабадких» и т. п. Резко подчеркивается враждебное отношение к боярам «кособрюхим» (например, в былинах о Васке-

¹ А. Григорьев, Архангельские былины и исторические песни. Т. I. СПб, 1910, № 15 (319).

² Песни, собранные Рыбниковым; изд. 2-е, т. II, стр. 537, № 181.

шьянице), даются резкие характеристики духовенства (например, знаменитые слова об Алоше Поповиче: «Поповские глаза завидующие, поповские руки загребущие») и т. п., и т. п.

Иногда такие изменения совершенно сознательно вносятся даже одним и тем же исполнителем, если ему приходится воспроизводить одни и те же тексты в различной обстановке. Так, многие собиратели отмечали, например, что сказочники различно рассказывают одну и ту же сказку в мужской и женской аудитории. Общеизвестно, что при рассказывании сказок детям рассказчики намеренно изменяют свое изложение. Аналогичные факты имеют место и в исполнении былины и других фольклорных произведений.

Таким образом, ясно, что, с одной стороны, записи фольклорных произведений в XIX—XX вв. не воспроизводят точно тех произведений, какие существовали в XVII—XVIII, или в XV—XVI, или в XIII—XIV, или в XI—XII вв. и т. д., с другой стороны, эти записи XIX—XX вв. не деликом являются созданием XIX или XX вв., многое в них идет из старины. Записей же на протяжении всей истории фольклора мы не имеем. Возможно ли при этих условиях говорить об истории фольклора? Какими данными располагаем мы для такой истории?

Для этой цели возможно пользоваться различными вспомогательными данными. Необходимо тщательно собрать всевозможные документально-исторические указания. Таковы, например, упоминания летописи о дружинных певцах и о скоморохах, об обрядах и обрядовых произведениях, о верованиях и обычаях; таковы выпады церковных проповедников против «бесовских» сказок и песен, постановления церковных и светских властей, сообщения иностранцев и т. п. материалы; часть подобных материалов мы даем в хрестоматии.

Очень важны показания собственно литературного материала. Наличие заговоров, пословиц, легендарных сказаний в летописях, близость (в некоторых отношениях) «Слова о полку Игореве» к былинам, перевод «Фаддеев» в 1681 году и прочие подобные факты доставляют опорные пункты для хронологическо-исторического приурочения фольклорного материала. Иногда можно пользоваться литературным материалом в порядке аналогий (а не прямых указаний), и для этой цели возможно привлекать материал не только русской, но и мировой литературы. Так, например, в параллель к новеллистическим и анекдотическим произведениям феодального периода в России можно привести французские фавль и немецкие шванки XII—XIII вв.; в параллель к фольклорной любовной лирике можно указать развитие любовной лирики в русской литературе XVIII в., и т. п.

Существеннейшее значение имеет привлечение фольклора различных национальностей. Для того, например, чтобы осветить судьбы русского фольклора в ранний период, о котором у нас нет достаточно четких данных, мы можем воспользоваться фольклорным материалом таких народностей, которые стоят на более ранних ступенях развития, так как историческое развитие различных народов (а следовательно, и фольклора их) проходит, в общем, одни и те же стадии.

Но основное внимание должно быть уделено анализу самого фольклорного материала. Фольклорные произведения тем и интересны в особенности, что в самих текстах как бы материализуется их история: что-то сохраняется и нередко идет из глубины веков, что-то создается вновь и вновь. Процесс этот нельзя, конечно, понимать механически, как процесс «наслоений» или неорганических прибавлений: при новом исполнении старый текст перерабатывается,

отдельные элементы его приобретают в новом окружении новое значение; но все же внимательный анализ позволяет нам восстановить этапы исторического развития нашего материала.

III.

Несомненно, в известном нам фольклорном материале многое восходит еще к древнейшему периоду истории, к доклассовому обществу.

Фольклорные произведения в этот ранний период имели практическое значение. Еще в первобытном обществе возникли так называемые «трудовые песни», т. е. такие песни, которые исполнялись непосредственно в процессе труда, и назначение которых заключалось в том, чтобы облегчить этот процесс путем ритмизации его: ритмичность движений экономит усилия, особенно же значение она имеет при коллективных работах для согласования движений, а в первобытном обществе труд был чрезвычайно тяжел, и вместе с тем почти все работы являлись коллективными.

Такие «трудовые песни» можно наблюдать у различных народов в Африке, в Австралии и пр.; существовали они, например, и в древней Греции, существуют в качестве пережитка вплоть до настоящего времени. В этих песнях основой является мелодия, ритм, а не текст; вот почему их текст часто чрезвычайно элементарен, нередко импровизируется и затем забывается, а иногда даже и отсутствует: ограничиваются напеванием только мотива, «песни без слов». Поэтому, конечно, позднейшие тексты (какова, например, «Дубинушка») нельзя водить к доклассовому обществу, но самый тип «трудовых песен» идет из этих древнейших времен.

В первобытном же обществе возникли разнообразные произведения магического характера. И их назначение — содействовать облегчению трудовых процессов. Но «трудовые песни» в действительности облегчали работу посредством ритма, значение же магических произведений плязозорное, мнимое. Они основаны на первобытном анимистическом мировоззрении и, в частности, на вере в силу магии, в возможность производить воздействие на внешний мир путем различных обрядов и действий, опирающихся по большей части на аналогию; например, чтобы вызвать дождь, нужно самим произвести маленький дождь, — отсюда окропление поля водой и т. п. действия. В основе лежали именно магические действия, но действия эти сопровождаются словами, да и самое слово рассматривается как действие (например, слова-проклятия), и таким образом возникают разнообразные словесные произведения магического характера. Подлинной основой их является слабость первобытного коллектива в борьбе с природой, желание облегчить и сделать более успешной эту борьбу.

Эти магические произведения и самые обряды рано становятся достоянием патриархов, старейшин и т. п. лиц и являются одним из орудий укрепления их власти над общиной. Религия (а магию мы можем рассматривать как раннюю форму религии) уже здесь является опиумом для трудящихся и орудием власти и эксплуатации для господствующих, хотя здесь и нет еще собственно классовых отношений. Это подтверждается разнообразными историческими данными, подтверждается и тем фактом, что магические произведения и впоследствии не являются достоянием всех и каждого, а принадлежат определенным категориям носителей их; необходимо отметить, впрочем, что не все магические произведения одинаковы: есть среди них такие, которые являются, так сказать, общедоступными, есть и такие, которые принадлежат только специалистам (колдунам, знахарям и т. п.).

В числе магических произведений на первом месте следует поставить заговоры — словесные произведения, будто бы обладающие силою непосредственно воздействовать на внешний мир. Заговоры теснейшим образом связаны с хозяйственной деятельностью; отсюда — заговоры охотничьи, пастушеские, земледельческие и т. п. Остальные виды заговоров, связанные с благополучием человека в различных отношениях (заговоры от болезней, любовные и пр.), являются вторичными, более поздними. Имея чисто практическое назначение, заговоры обладали значительной устойчивостью, почему и в позднейших текстах отчетливы следы древнейших верований. Вероятно, уже в ранний период заговоры получили довольно разработанную, поэтическую форму (своеобразное построение, сравнения, эпитеты и пр.), почему и рассматриваются нами как поэтические произведения, хотя в самой среде, где они бытуют, отношение к ним совершенно иное, чем, например, к песням лирического характера.

К числу магических произведений следует отнести также обрядовые песни. Мы различаем обрядовые песни календарные и бытовые. Так называемые календарные или праздничные обрядовые песни связаны преимущественно с аграрным (земледельческим) культом. В связи с значением для хозяйственной деятельности движения времен года, обусловленного движением земли вокруг солнца, особенное значение в аграрном культе приобретает солнце (и, конечно, сама земля). В честь солнца устанавливаются праздники, связанные с главнейшими поворотными моментами: зимним солнцестоянием (начинает прибывать день), весенним равноденствием и летним солнцестоянием (самый длинный день). С праздниками этими связываются магические обряды и песни. По большей части эти песни очень просты по своему характеру. Основные мотивы в них — пожелания всякого благополучия (особенно хозяйственного), гадание о будущем и т. п.

Бытовыми обрядовыми песнями мы называем песни свадебные и похоронные.

Брак имел с древних времен хозяйственное значение; отсюда необходимость обеспечить его благополучие магическими обрядами и песнями. Магические элементы ясно заметны и в позднейшем свадебном обряде и песнях (прежде всего, обеспечение хозяйственного благополучия, откуда, например, осыпание молодых зерном и т. п. обряды, затем обеспечение благополучия семейного). В связи с происходившими изменениями в формах семьи и брака в свадебном обряде и песнях могут быть отмечены следы похищения невесты, продажи ее, выдачи замуж по воле родителей. Свадебный обряд мог сложиться только при наличии уже мирных сношений между родами (и в частности, вероятно, при известном развитии меновых отношений между ними), а не в период действительного похищения невесты (когда было не до обрядов), и свадебное «похищение» имело именно магический характер, опираясь на воспоминания о похищении реальном. Свадебные песни заключают в себе немало отголосков родового строя (часто упоминается «род-племя» и т. п.); в ранний период они были, вероятно, довольно элементарны и в большей степени сводились к магическим формулам. Довольно рано развились, надо полагать, символика и параллелизм, богато представленные в позднейшем материале.

Похоронные обряды и причитания первоначально также имели практическое-магическое значение: необходимо было обезопасить живых от покойника и обеспечить благоволение его. Отсюда обязательность оплакивания покойников и существование профессионалов-специалистов этого дела. В связи с таким назначением причитаний стоит и их содержание (восхваление покойника и из-

ображение тяжести жизни без него) и их оформление (обилие эмоциональных приемов, в частности, усиленное употребление ласкательных форм).

Магическое или мифологическое (т. е. связанное с религиозными представлениями) значение имели в доклассовом обществе и рассказы, из которых в последствии развиваются сказки, предания и легенды. Сюда относятся, прежде всего, сказки о животных, основанные на тотемистических представлениях (животные являются тотемами — родоначальниками и покровителями рода), затем более элементарные сказки с суеверным содержанием или так называемые «бывальщины» (рассказы о леших, о водяных, о домовых и пр.), а отчасти также и более сложные фантастические («волшебные») сказки. Они не являлись тогда развлечением, забавой, им придавали серьезное практическое значение; так и до настоящего времени у некоторых народностей сказки рассказываются во время охоты для того, чтобы привлечь благоволение лесных духов; у прибрежных народов сказки рассказываются иногда с целью прекратить ветер и т. п.

Такое же магическое и мифологическое значение имели загадки и, может быть, некоторые пословицы: загадками выражались религиозно-мифологические представления (таковы, например, загадки о громе и молнии), загадывание загадок, как и рассказывание сказок, могло обеспечивать благорасположение духов, и т. п. Кроме того, загадки входили, как один из элементов, в обряды так называемых пинципий, т. е. принятия юношей и молодых девушек в общество взрослых, являясь одним из способов испытания ума (на это указывают соответствующие обряды у различных народов Африки и других стран); возможно, что с подобными обрядами были связаны также и некоторые сказки.

Таким образом, фольклор доклассового общества отличается практически-трудовым, магическим или мифологическим характером; и там, где мы встречаемся в позднейшем фольклоре с соответствующими данными (практическо-трудового, магического или мифологического характера), мы можем относить возникновение их в основном именно к периоду доклассового общества. Между прочим, следы этого периода обнаруживаются в позднейшем детском фольклоре.

IV.

Но развитие фольклора не остановилось в этом древнейшем периоде, фольклор продолжал жить и развиваться и в позднейшее время. Перейдя в феодальный период (XI—XVI вв.), фольклор приобретает классово-дифференцированный характер, так как само общество является классово-расчлененным. При этом в фольклоре феодального периода, с одной стороны, продолжают существовать, соответственным образом изменяясь, произведения, унаследованные от доклассового общества, с другой — возникают и совершенно новые явления, частично использующие прежний материал.

Фольклор в феодальный период отнюдь не являлся достоянием исключительно трудящихся (т. е. в первую очередь крестьянства, а также городского ремесленного населения): фольклор жил и в среде господствующего класса феодалов (и светских и духовных — церковников) и в среде городской торговой буржуазии. Об этом достаточно ясно говорят и документальные данные и характер самого материала. Например, наличие отголосков заговоров и сообщений о волхвах в летописи, существование таких заговоров как «На дарские очи» (явно боярского характера), описания царских свадеб, отголоски похоронных причитаний в житиях (Бориса и Глеба, Александра Невского и др.) и в «Слове о полку Игореве», — позволяют утверждать, что дружинная, боярская, княже-

ская и даже царская среда знали подобные произведения и пользовались ими в своем быту.

Отсюда становится понятным и характер, например, свадебных песен с их любопытнейшим оформлением (князь, княгиня, терем, бояре и пр. и пр.); это оформление создавалось в княжеско-боярской среде. Отсюда же и такая колыдка, где «господин» уехал в Москву «суды судить да ряды рядить» и т. п.

В господствующем классе феодального общества мы можем отметить и существование сказок. Вернее, можно сказать, что именно здесь сказки оформлялись как сказки, теряя свое первоначальное собственно мифологическое или магическое значение и приобретая, так сказать, «развлекательный» характер и вместе с тем более сложное оформление: мифологические рассказы превращались в волшебные сказки. Об этом говорят нам и исторические документы (например, сведения о сказочниках Ивана Грозного), и такие памятники, как церковные проповеди и поучения (например, известное изображение богача перед сном). Исполнителями сказок для представителей господствующего класса являлись достаточно искусные профессионалы (скоморохи и т. п.), — отсюда и сложная, искусная композиция сказок и их стилистическая украшенность. В связи с этим понятны становятся и любовь сказок к изображению среды царей, царевичей и царевен и многие детали феодального быта в них; понятно и возникновение такой, например, сказки, как о Борме-ярыжке, ясно перекликающейся с «Повестью о Вавилонском царстве» и со «Сказанием о князьях Владимирских». Вместе с волшебными сказками шло, вероятно, формирование сказок авантюрно-новеллистических с такими, например, излюбленными темами, как женитьба героя на царевне или выход героини замуж за царевича.

За счет господствующего класса следует относить и формирование богатырских былин на основе героических песен, существовавших еще в доклассовом обществе. Характер былин (прославление дружинников князя и их подвиги, самое изображение обстановки и героев) достаточно ясно указывает на связь их с княжеско-дружинной средой; конкретно-исторические и географические данные отводят нас преимущественно к южной Руси XI—XIII вв. Надо думать, что в древнейший период былины жили только в среде господствующих классов и не были известны крестьянскому населению Киевской Руси; вот почему они не сохранились на юге, а передвинулись вместе с центром политической жизни на север. К XV—XVI вв. формирование былин, повидимому, уже закончилось: новые былины почти не создаются, в Московской Руси продолжают существовать почти исключительно прежние былины, связанные с Киевом и с князем Владимиром. И здесь, в Московской Руси, былины продолжают оставаться достоянием главным образом специалистов, обслуживающих господствующий класс; широким массам населения они еще неизвестны.

Когда в XVI в. внутри класса феодалов обострилась борьба между старой феодальной знатью (боярством) и служилым дворянством, былины несомненно использовались и соответственным образом перерабатывались в целях этой борьбы. Но достаточно острым оружием они все же не являлись, и на смену им пришли так называемые исторические песни, в которых особенно ярко проявляется борьба эпохи Ивана Грозного.

Особо следует отметить воздействие церковников на фольклор. В заговоры и обрядовые произведения широко проникают (часто, правда, поверхностно) церковно-христианские черты — отчасти потому, что сами заговоры, например, жили в среде церковнослужителей (особенно низших), отчасти вследствие влияния церковной пропаганды на крестьянское и городское население.

Церковная линия в феодальную эпоху, помимо воздействия на заговоры и обрядовую поэзию, проявляется в формировании легенд и духовных стихов, для которых (так же, как и для былин) использовался нередко более ранний материал мифологического характера. В параллель к этому можно указать на развитие христианской легенды на Западе.

С городской буржуазной средой (в которой бытовали, как можно думать, и заговоры — есть, например, заговоры торговые, — и обрядовые произведения и волшебные сказки) можно связывать былины (песни) новеллистического характера (в особенности такие, как о Садко или о госте Терентии), многие новеллистические сказки, а также анекдоты. Характерные в этом отношении данные представляет западно-европейская литература (фаблы, шванки, новеллы).

Слагателями, исполнителями и оформителями обрядовых и прочих песен, сказок, былины в среде господствующих классов являлись, как отмечено выше, специалисты-профессионалы; этим объясняется и богатое, искусное оформление этих произведений и (хотя бы отчасти) широкое использование международного материала.

В крестьянской среде несомненно продолжали существовать трудовые песни, заговоры, обрядовая поэзия, сказки, пословицы, загадки. Здесь фольклор крепче сохранял свой этнографический характер, а самое оформление произведений обычно было проще. Фольклор господствующих классов оказывал свое воздействие на крестьянство частью непосредственно, частью через промежуточный слой городского (посадского) населения. Отсюда, например, проникновение княжеско-боярских черт в обряд крестьянской свадьбы, отсюда присутствие «царя» в крестьянских сказках, отсюда легенды и духовные стихи у крестьян.

Но, конечно, крестьянство не механически усваивало материал господствующего класса: материал этот перерабатывался, изменялась его направленность; многое создавалось вновь и именно в крестьянской среде. Так, например, волшебная или новеллистическая сказка приобретала особый оттенок, так как героем или героиней ее становились крестьянин или крестьянская девушка (любопытным памятником этого является, например, «Повесть о Петре и Февронии», в значительной мере построенная на сказочном материале). Интересны в этом отношении такие сказки, как «Горшения», или сказки, сообщенные Коллинсом об Иване Грозном (о награжденном Грозным «лапотнике», о Грозном и воре).

Легенды и духовные стихи в крестьянской среде приобретали ярко выраженный «двоеверный» характер, а иногда острее свое обращали прямо против церковников и церкви; такова, например, легенда о праведнике, согрешившем в церкви; близкую к ней легенду, напоминающую «Трех старцев» Л. Толстого, сообщает, между прочим, князь Курбский. Враждебное отношение к церковникам проявляется иногда и в заговорах; так, например, в заговоре для охраны скота, почти имеющем характер молитвы, скот оберегается от попа и попады, от дякона и дякониды, и т. д. и т. д. Еще резче это враждебное отношение к церковникам проявляется в анекдотах и пословицах, где мы часто встречаемся с явно антипоповскими и антицерковными текстами, причем материал этот явно перекликается с аналогичным материалом западно-европейским: таков, например, анекдот о крестьянине, приведшем к попу свою единственную корову после того, как он услышал проповедь на тему: «Господь за все воздаст десятикратно». Любопытные следы феодального периода обнаруживаются иногда в детском фольклоре (например, «стиун» и т. п.).